
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А. Ю. БАЛАКИН, А. С. БОДРОВА

«ПОЛИЦЕЙСКОЕ ПОСЛАНИЕ ЯКО МАТЕРИАЛ» (К ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ «БАХЧИСАРАЙСКОГО ФОНТАНА»)

Поэма Пушкина «Бахчисарайский фонтан», снискавшая огромную читательскую популярность, и по сей день остается исключительно привлекательным материалом для исследователей — как профессиональных пушкинистов, так и историков-краеведов, не говоря уже о любителях тайн и загадок жизни Пушкина. Этой своей читательской и исследовательской популярностью поэма обязана, с одной стороны, романтической легенде, положенной в основу сюжета, а с другой — легенде биографической, возникшей, не без авторского умысла, вокруг так называемой «утаенной любви» поэта.

Однако несмотря на многочисленные исторические и краеведческие разыскания, касающиеся реальной сюжетной основы поэмы, круг сведений о том, что в действительности знал Пушкин о Бахчисарайском дворце и его обитателях, когда писал поэму, определяется лишь гипотетически. Еще труднее установить *источники* его сведений или его возможных *информантов* — никаких фактических свидетельств на этот счет или надежных документов до сих пор не было в распоряжении исследователей.

Как известно, сам Пушкин побывал в Бахчисарае 7–8 сентября 1820 г., во время поездки по Крыму с семейством Раевских.¹ О непосредственных впечатлениях поэта от самого города или ханского дворца судить затруднительно при отсутствии эпистолярных свидетельств: подробно описывая в письме брату Льву от 24 сентября свое путешествие с Раевскими, Пушкин ни словом не обмолвился о поездке в Бахчисарай.

Ретроспективный рассказ о посещении истлевающего дворца возник только в более поздних *литературных* текстах — в финале самой поэмы («Покинув север наконец, / <...> Я посетил Бахчисарая / В забвеньи дремлющий дворец...» (IV, 169)),

¹ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 1: 1799–1824 / Сост. М. А. Цявловский. С. 200.

а затем в письме к Дельвигу, начерно набросанном в начале декабря 1824 г., но отосланном не позднее самого конца апреля — начала мая 1825 г. (XIII, 250–252)² и впервые опубликованном (в несколько отредактированном виде, под заглавием «Отрывок из письма к Д.») в «Северных цветах».³ В письме к Дельвигу, которое изначально было задумано как художественный, а не документальный текст,⁴ Пушкин излагал наиболее обстоятельную версию своего знакомства с бахчисарайскими преданиями и достопримечательностями. По уверению поэта, поэтическую легенду о «фонтане слез» он услышал до посещения Бахчисарайского дворца, который потом неприятно поразил его неромантическим запустением:

В Бахчисарай приехал я больной. Я прежде слышал о странном памятнике влюбленного Хана. К** поэтически описывала мне его, называя *la fontaine des larmes*. Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода. Я обошел дворец с большой досадою на набережение, в котором он истлевет, и на полуевропейские переделки некоторых комнат. NN почти насильно повел меня по ветхой лестнице в развалины гарема и на ханское кладбище,

Но не тем
В то время сердце полно было —

Лихорадка меня мучила.

(XIII, 252)

Болезненным и раздраженным состоянием Пушкин как бы оправдывал собственное невнимание к историческим преданиям ханского дворца, которые запомнились другим посетителям Бахчисарая — прежде всего И. М. Муравьеву-Апостолу, побывавшему в Крыму «в тот же год и почти в то же время» (VIII, 998), что

² Обоснование датировки см.: *Пушкин А. С. Сочинения / Комментарий*. Изд. под ред. Д. М. Бетеа. М., 2007. Вып. 1: Поэмы и повести. Ч. 1. С. 355 (коммент. О. А. Проскурина, Н. Г. Охотина).

³ См.: Северные цветы на 1826 год. СПб., 1826. С. 101–106.

⁴ См. об этом: *Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина*. Л., 1988. С. 235–245; *Кошелев В. А. О жизни и сочинениях И. М. Муравьева-Апостола // Муравьев-Апостол И. М. Письма из Москвы в Нижний Новгород / Изд. подгот. В. А. Кошелев*. СПб., 2002. С. 220–226. Как указал О. А. Проскурин, впервые на изначальную «литературность» письма к Дельвигу обратил внимание Г. О. Винокур в комментарии к «Бахчисарайскому фонтану», по известным обстоятельствам не увидевшем свет в Большом академическом издании Пушкина (*Пушкин А. С. Соч.* Вып. 1, ч. 1. С. 355 (коммент. О. А. Проскурина, Н. Г. Охотина); ср. там же (с. 355–358) подробный критический обзор разных интерпретаций «Отрывка из письма к Д.»).

и Пушкин, и описавшему эту поездку в «Путешествии по Тавриде в 1820 году»:

Что касается до памятника ханской любовницы, о котором говорит М<уравьев-Апостол>, я [его не] об нем не вспомнил, когда писал свою поэму — а то бы непременно им воспользовался.

(XIII, 252)

«Памятником ханской любовницы», запечатленным в книге Муравьева и в свое время якобы «забытым» Пушкиным (или вовсе неизвестным ему — ср. черновой вариант: «я об нем не помню — и не знал, когда написал свой Бахчис<арайский> Фонт<ан>» (VIII, 1001; курсив наш. — А. Б., А. Б.)), — был «мавзолей прекрасной грузинки, жены хана Керим-Гирея», «красивое здание с круглым куполом».⁵ Именно этот памятник, а вовсе не фонтан Муравьев, вслед за другими путешественниками по Крыму, описал как главную романтическую достопримечательность Бахчисарайского дворца, связанную с историей любви хана Гирея:

Новая Заира, силою прелестей своих, она повелевала тому, кому все здесь повиновалось; но не долго: увял райский цвет в самое утро жизни своей, и безотрадный Керим соорудил *любезной* памятник сей, дабы ежедневно входить в оный и утешаться слезами над прахом незабвенной. Я сам хотел поклониться гробу красавицы, но нет уже более входа к нему; дверь наглухо заложена. Странно очень, что все здешние жители непременно хотят, чтобы эта красавица была не грузинка, а полячка, именно кака-я-то Потоцкая, будто бы похищенная Керим-Гиреем. Сколько я ни спорил с ними, сколько ни уверял их, что предание сие не имеет никакого исторического основания и что во второй половине XVIII века не так легко было татарам похищать полячек; все доводы мои остались бесполезными: они стоят в одном: красавица была Потоцкая; и я другой причины упорству сему не нахожу, как разве принятое и справедливое мнение, что красота женская есть, так сказать, принадлежность рода Потоцких.⁶

Решительное несоответствие рассказа Муравьева сюжету, положенному в основу «Бахчисарайского фонтана», представляется достаточной мотивировкой для пушкинских оправданий и оговорок в ретроспективных высказываниях об этом произведении,⁷ но тем не менее в исследовательской литературе утвердилось мнение, что

⁵ *Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году.* СПб., 1823. С. 118.

⁶ Там же. С. 118–119.

⁷ Ср. также в более раннем письме А. А. Бестужеву от 8 февраля 1824 г.: «...я суеверно перекалывал в стихи рассказ молодой женщины» (XIII, 88).

Пушкин не лукавил в письме к Дельвигу, говоря, что «не знал» или «не помнил» бахчисарайских преданий о «мавзолее прекрасной грузинки», когда сочинял свою поэму, и что версия, изложенная Муравьевым, оставалась ему неизвестной до знакомства с печатным текстом «Путешествия...». ⁸ Более того, как предполагал О. А. Проскурин, когда Пушкин в письме от 4 ноября 1823 г. просил Вяземского посмотреть «в Путешествии Апостола-Муравьева статью Бахчи-сарай» и выписать из нее «что посносней» (XIII, 73) для предисловия или послесловия, он никак не рассчитывал на то, что книга Муравьева «не поясняла, а опровергала легенду о польской княжне — пленнице крымского хана»... ⁹

Результаты новейших разысканий не позволяют согласиться с этой точкой зрения.

С одной стороны, далеко не так очевидны обстоятельства знакомства Пушкина с книгой Муравьева. Хотя экземпляра «Путешествия...», еще не вышедшего из печати в ноябре — начале декабря 1823 г., ¹⁰ Пушкин, разумеется, не мог держать в руках, но его слова в упомянутом письме Вяземскому от 4 ноября, особенно в формулировках черновика, заставляют думать, что о книге Муравьева-Апостола и ее составе Пушкин имел представление еще до публикации:

<...> [да еще] посмотри в Путешествии Апостола-Муравьева статью Бах<чи>са<рай> выпиши из нее что посноснее он имеет на бумаге свое достоинство — хоть в разговоре — им <2 нрзб.> — при сем мое благословение <...>

(XII, 380; черновик письма; курсив наш.)

Упоминание «статьи Бахчисарай» и слова о «достоинстве на бумаге» позволяют предполагать, что Пушкин познакомился с «Путешествием...» (скорее всего, с отдельными интересовавшими его главами) в рукописи (сам текст, по свидетельству Муравьева, был написан

⁸ Пушкин А. С. Соч. Вып. 1, ч. 1. С. 352 (коммент. О. А. Проскурина, Н. Г. Охотина).

⁹ Там же. О структуре 1-го издания поэмы см.: Прохорова И. Е. «Бахчисарайский фонтан» (1824): Тип издания // Болдинские чтения. Нижний Новгород, 2003. С. 226—232.

¹⁰ Цензурное разрешение книги Муравьева датировано 19 апреля 1823 г., однако в продаже она появилась не раньше середины декабря; самое раннее упоминание о выходе «Путешествия...» содержится в бестужевском «Взгляде на русскую словесность в течение 1823 года», напечатанном в «Полярной звезде на 1824 год» (СПб., 1823. С. 4), поступившей в продажу 20 декабря 1823 г. Подробнее об этом см.: Балакин А. Ю. Пушкин и книга И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году» (в печати).

в 1821 г.), однако, не располагая документальными свидетельствами, трудно сказать, когда и каким образом это могло произойти.¹¹

С другой стороны, как явствует из того же письма к Вяземскому, помимо книги Муравьева Пушкин называл в качестве источника для предполагаемого предисловия еще один довольно странный и до сих пор не идентифицированный документ, который он прилагал к своему письму:

Вот тебе, милый и почтенный Асмодей, последняя моя поэма. <...>
...еще просьба: припиши к Бахчисарая предисловие или послесловие <...>
прилагаю при сем полицейское послание, яко материал; почерпни из него сведения (разумеется, умолчав об их источнике).

(XIII, 73; курсив наш.)

Эти слова о «полицейском послании» давно вызывали недоумение комментаторов: «Какое “полицейское послание” приложил Пушкин к письму, неизвестно», — констатировал еще Б. Л. Модзалевский в фундаментальной комментарии к переписке Пушкина.¹² «Странный материал для предисловия к романтической поэме — полицейское послание! <...> мы не знаем, о чем шла речь в этом документе», — спустя полвека писал крымский краевед В. А. Святелик.¹³

Единственная гипотеза о возможном авторе этого послания была недавно высказана А. И. Бронштейном, по предположению которого наиболее вероятным сочинителем этого письма мог быть

¹¹ Нельзя исключать, что во время разъездов по югу в 1820–1823 гг. Пушкин мог лично встретиться с Муравьевым-Апостолом (ср. в письме Вяземскому упоминание: «...хоть в разговоре»), жившим в это время в своем имении Хомутец Полтавской губернии, и тот познакомил поэта с фрагментами книги (сохранились свидетельства, что автор «Путешествия по Тавриде» читал его своим друзьям и родственникам. — См.: *Кузьменко А. Ю.* Иван Матвеевич Муравьев-Апостол: Нарис життя і творчості. Київ, 1964. С. 81). Можно также предположить, что какими-то фрагментами книги располагал одесский археолог и нумизмат, знаток древней географии Крыма Иван Павлович (Жан Море де) Бларамберг (1772–1831), дом которого Пушкин часто посещал в 1823 г. Бларамберг был знаком с Муравьевым и консультировал его по различным археологическим вопросам (в «Путешествии...» есть ссылки на его суждения). Аргументацию этой гипотезы см.: *Балакин А. Ю.* Пушкин и книга И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году» (в печати). Ср.: *Кошелев В. А.* Пушкин: История и предание: Очерки. СПб., 2000. С. 5–11.

¹² *Пушкин А. С.* Письма / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1926. Т. 1: Письма 1815–1825. С. 283.

¹³ *Святелик В.* Легенда, пришедшая к Пушкину // *Знамя.* 1989. № 8. С. 219; ср. также: *Лобикова Н. М.* Пушкин и Восток: Очерки. М., 1974. С. 41.

полицеймейстер Бахчисарая Иван Давидович Ананич (Ананьич),¹⁴ занимавший этот пост с 1809 по 1823 г., а с 1820 г. бывший еще и главным смотрителем Бахчисарайского дворца.¹⁵

В связи с «Бахчисарайским фонтаном» глава городской полиции интересовал преимущественно краеведов, восстановивших по архивным документам некоторые сведения о его службе и биографии и предполагавших, что именно Ананич был проводником Пушкина и семейства Раевских по Бахчисарайскому дворцу и, соответственно, мог быть рассказчиком «печального предания».¹⁶

Занимая должность смотрителя Бахчисарайского дворца, Ананич действительно не раз водил по нему путешественников, сообщая выясненные им сведения — в том числе содержание арабских надписей, что уважительно отмечал Муравьев-Апостол в своем «Путешествии...».¹⁷ О гостеприимстве бахчисарайского полицеймейстера, старавшегося познакомить приезжих с местными достопримечательностями, с признательностью упоминал в своих «Записках» и Г. В. Гераков,¹⁸ также побывавший в подведомственном Ананичу городе в сентябре 1820 г.

Гераков посетил Бахчисарай двумя неделями позже Пушкина (19–20 сентября 1820 г.), но его Ананич при осмотре дворца

¹⁴ См.: *Бронштейн А. И.* 1) Пушкин и Бахчисарай // Крымские пенаты: Альманах литературных музеев Крыма. Симферополь, 1994. № 1. С. 39–50; 2) Трансформация легенды Фонтана слез: (Из комментариев к поэме А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан») // Коран и Библия в творчестве А. С. Пушкина / Под ред. Д. Сегала, С. Шварцбанда. Jerusalem, 2000. С. 25, 34.

¹⁵ Сведения о службе Ананича приведены по архивным данным в работе: *Андрейко Е. В.* К вопросу о пребывании А. С. Пушкина в Бахчисарае: (Из новых разысканий) // Крымские пенаты: Альманах литературных музеев Крыма. Симферополь, 1994. № 1. С. 52–53.

¹⁶ См.: *Бронштейн А. И.* 1) Пушкин и Бахчисарай. С. 52; 2) Трансформация легенды Фонтана слез. С. 24–25; *Андрейко Е. В.* К вопросу о пребывании А. С. Пушкина в Бахчисарае. С. 52–54; *Черноусова Е., Казарин В. А.* С. Пушкин в Крыму — новые гипотезы // *Studia Methodologica*. Тернопіль, 2006. Вип. 18. С. 89–90.

¹⁷ Приводя тексты надписей Бахчисарайского дворца, в том числе надпись на фонтане, Муравьев-Апостол сделал специальное примечание: «Переводом <...> надписей я обязан Г-ну Ананичу, Бахчисарайскому Полицеймейстеру. Он для сего употребил одного Муллу, знающего Аравский язык: но как язык сей неизвестен ни Г-ну Ананичу, ни мне, то за исправность перевода я ручаться не смею» (*Муравьев-Апостол И. М.* Путешествие по Тавриде в 1820 году. С. 108–109).

¹⁸ См.: *Гераков Г.* Продолжение Путевых записок по многим Российским губерниям, 1820-го и начала 1821-го. СПб., 1830. С. 20–21.

сопровождать не смог, так как «был на отъезде в свои недавно купленные хутора».¹⁹ Однако из других слов Геракова²⁰ следует, что из города полицеймейстер еще не уехал и, соответственно, почти наверняка был в Бахчисарае во время приезда Пушкина, двумя неделями раньше.²¹ Сведения, содержащиеся в «Записках» Геракова, позволяют по меньшей мере предполагать факт знакомства Пушкина с Ананичем. Таким образом, гипотеза Бронштейна об авторе «полицейского послания» кажется весьма правдоподобной.

Архивные разыскания показали, что это предположение не только правдоподобно, но и совершенно справедливо. В Остафьевском архиве князей Вяземских сохранилось письмо, обозначенное в описи как «Письмо Ананина Ивана неустановленному лицу (Александру Мартыновичу)» с датой 21 февраля 1823 г.

В действительности под текстом значится не вполне разборчивая подпись: «Иван Ананич. 21 февраля 1823 года. Бакчисарай», не оставляющая сомнений в том, что перед нами то самое загадочное «полицейское послание», пересланное Пушкиным Вяземскому.

Приведем его текст целиком, сохраняя орфографию и пунктуацию источника:

Милостивый Государь
Александръ Мартыновичъ

Получа почтенное письмо ваше относительно ханской жены изъ роду Потоцкихъ, я всѣ мѣры принималъ удовольствовать ваше желаніе, но нѣтъ никакой возможности объ нѣй узнать, даже сама Графиня Соф. Потоцкая прѣзжавши въ бакчисарай когда показывалъ я ей всѣ гробницы говорила что точно изъ ихъ фамиліи была у хана жена, но и она не имѣить обстоятельного у себя о томъ описанія, и думаю я что наурядъ гдѣ либо таковое есть, я будучи 14 лѣтъ здѣсь и почти каждой день провожая вояжеровъ не могъ ни отъ кого

¹⁹ Там же. С. 21.

²⁰ «Городничий, или Полицмейстер, Ананьич, приготова для меня покой во дворце по приказанию Губернатора, был на отъезде в свои недавно купленные хутора; я, за учтивость его ко мне, просил ехать, и остался на руках Частного Пристава, Грека, Константина Ивановича, который водил меня по дворцу...» (Там же).

²¹ Исходя из этого никак нельзя согласиться с суждением О. А. Проскурина, полагавшего, что Пушкин с Ананичем видеться не мог, так как последний был «в отъезде на недавно приобретенные хутора» (Пушкин А. С. Соч. Вып. 1, ч. 1. С. 363 (коммент. О. А. Проскурина, Н. Г. Охотина)). Ведь между «в отъезде» и «на отъезде», говоря словами Пушкина, «дьявольская разница». Ср. ту же значимую неточность в цитате из «Записок» Геракова в статье Е. В. Андрейко: «...Ананьич <...> был в отъезде на свои недавно купленные хутора...» (Андрейко Е. В. К вопросу о пребывании А. С. Пушкина в Бахчисарае. С. 54).

о томъ узнать, ни самъ ихъ въ томъ удовлетворить. Завсемъ тѣмъ здесь обь
семъ предмѣтѣ существуетъ поныне слѣдующее: во дворцѣ между служивыхъ
инвалидовъ переходить съ давнихъ лѣтъ <одно слово нрзб: ла... вое?> пре-
даніе что гробница надъ верхнимъ садомъ стоящая есть полагаемая въ коей
погребена Потоцкая но ничемъ увѣритца<?> въ томъ нельзя. На ней вѣсьма
краткая арапская надпись «*мергуме вемагфуре дилара пикечъ*» то есть умер-
шая дилара пикечъ; сіе недоказывать чтобъ она была Потоцкая развѣ<?>
названа она татарскимъ имѣнемъ ибо никакъ хану по ихъ закону не позво-
лялось женитца на христіянке, а должно было прежде здѣлать ее мусульманкою,
но извѣстно то настояще по другимъ записямъ что лѣжащая въ той гробницѣ
дилара пикечъ была любимая жена хана крымъ гирея которымъ по смерти той
жены назадъ тому теперь 61. годъ здѣлана въ честь ее оная гробница и сверь-
хъ того въ бакчисарае мѣчетъ называемая *яшилъ джами* изъ сего можно по
недавнему времени замѣтить что это не Потоцкая; въ протчемъ нивдворце ни
въ Бакчисарае нащеть той Потоцкой никакого описанія нѣтъ, я распрашивалъ
стариковъ имѣющихъ теперь до ста лѣтъ жившихъ тогда при разныхъ ханехъ
у дворца, но и они ничего не знаютъ, они мнѣ сказали что при тогдашнемъ
правленіи никто не смѣлъ о ханскихъ женахъ ни любопытствовать ни говорить
опасаясь за то наказанія относя всю то къ ревности турокъ.

Много жалѣю что я не могъ болѣе удовлетворить желанныхъ вами
свѣдѣній, и извѣстилъ только то что могъ здѣсь собрать при тщательныхъ
узнаніяхъ.

Предъ полученіемъ вашего письма я просилъ васъ отправленнымъ въ
Кишеневъ своимъ письмомъ одолжить меня уведомленіемъ есть ли на-
дежда избавитца мне отъ полицмейстерской должности, о чемъ и теперь
повторяю усердную мою къ вамъ Милостивый Государь просьбу.

Поручивъ себя вашей ко мнѣ расположенности и свидѣтельствуя ис-
тинное мое вамъ почтеніе имѣю честь остатца съ совершенною предан-
ностію

Милостивый Государь
покорнѣйшимъ слугою
Иванъ Ананичъ

21 февраля
1823 года
Бакчисарай

(РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 5682, л. 1–2)

Письмо Ананича позволяет существенно прояснить вопрос о сведениях, которыми располагал Пушкин в 1823 г., но при этом само требует пояснений.

Важнейшая проблема, которую необходимо разрешить применительно к этому эпистолярному документу, — вопрос об адресате. Кем был этот Александр Мартынович и при каких обстоятельствах состоялось его знакомство с Пушкиным и передача ему письма Ананича — или же все-таки можно допустить, что бахчисарайский полицеймейстер ошибся в отчестве?..

Среди крымских должностных лиц действительно был статский советник Александр Мартынович Филатьев — предводитель дворянства Таврической губернии (1817—1826),²² живший в Симферополе (о встрече с ним, в частности, упоминает Гераков²³). Однако совершенно не ясно в таком случае, что должно было привести Филатьева в Кишинев, куда Ананич прежде посылал ему письмо, и мог ли уездный полицеймейстер так непринужденно обращаться к чиновному Филатьеву. В то же время именно в Кишиневе в начале 1823 г. находился Пушкин,²⁴ который числился в подчинении всемогущего генерала Инзова, а потому, вероятно, мог казаться подходящим адресатом для обращения с просьбой узнать о перспективах увольнения Ананича с «полицеймейстерской должности». Конечно, перепутать «Сергеевича» и «Мартыновича» непросто, однако подобного рода ошибки в эпистолярных обращениях не редкость для эпохи: так, например, Е. А. Баратынский в 1829 г. обращался к лично знакомому ему Погодину: «Милостивый государь Михайло Александрович»,²⁵ Пушкин надписывал адрес Авраама Сергеевича Норова — «Его Превосходительству А. П. Норову» (XV, 94).

Как бы то ни было, наличие письма в фонде Вяземского, очевидно, говорит о том, что в распоряжении Пушкина в какой-то момент оно точно было, а сведения Ананича пригодились как автору «Бахчисарайского фонтана», так и издателю поэмы. Новонайденное «полицейское послание» позволяет с уверенностью утверждать, что Пушкин знал о малой исторической достоверности рассказа о ханской невольнице из рода Потоцких, в то время когда создавал известную нам редакцию поэмы, работа над которой датируется весной — осенью 1823 г.

Однако, по всей видимости, до какого-то момента Пушкин полагал, что избранная им версия соответствует исторической действительности, и, лишь впоследствии усомнившись в достоверности «печального предания», решил навести справки. Это подкрепляет

²² См.: Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи, на лето от Рождества Христова 1823. СПб., 1823. Ч. 2. С. 200; Андрейко Е. В. А. С. Пушкин в Симферополе // Культура народов Причерноморья. 1998. № 3. С. 76—82.

²³ Гераков Г. В. Путевые записки по многим Российским губерниям 1820. СПб., 1828. С. 178.

²⁴ См.: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 1. С. 335—351. Пушкин выехал из Кишинева в Одессу в самом начале июля 1823 г. (Там же. С. 351).

²⁵ См.: Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского / Сост. А. М. Песков; Текст подгот. Е. Э. Лямина, А. М. Песков. М., 1998. С. 232—233.

уже известные крайне отрывочные сведения о ходе работы над поэмой. В письме А. И. Тургеневу от 30 апреля 1823 г. Вяземский сообщал, что «Бес-Арабский Пушкин, по словам приезжего, пишет новую поэму “Гарем” о Потоцкой, похищенной каким-то ханом, — *событие историческое*».²⁶ По установившемуся мнению, этим осведомленным приезжим был К. А. Охотников, передавший Вяземскому письмо Пушкина от 6 февраля 1823 г.²⁷ и, таким образом, уехавший из Кишинева до того момента, как Пушкин мог получить письмо Ананича.

Сообразуется это и с реконструкцией творческой истории поэмы, восстанавливаемой на основе сохранившихся рукописей «Бахчисарайского фонтана», дошедших до нас крайне отрывочно. По расчетам С. А. Фомичева,²⁸ поддержанным О. А. Проскуриным,²⁹ первоначальная редакция поэмы, записанная в тетради ПД 832 (1822 г.), не содержала еще того сюжетного ядра, которое составляет основу известного нам текста: линии Заремы — ее страстного разговора с Марией, соперничества за любовь Гирея и печального финала их судеб — в ранней редакции, по всей видимости, просто не было. На ранней стадии работы поэма содержала только лирическое повествование о судьбе польской пленницы в бахчисарайском гареме, смерть которой хан оплакал возведением «фонтана слез», — что согласуется со словами Вяземского («поэма “Гарем” о Потоцкой, похищенной каким-то ханом»). Новый этап в работе над поэмой, продолжившейся в новой тетради (ПД 834), датируется февралем—мартом 1823 г.,³⁰ когда было записано посвящение и, видимо, полный текст, который, однако, был вырезан из тетради (уцелели только записи посвящения и окончания текста поэмы). Только тогда был набросан план, который и реализовался в известной нам редакции.

Соблазнительно предположить, что в окончательном сюжете «Бахчисарайского фонтана» сказалось знакомство Пушкина с «историческим» бахчисарайским преданием. Основываясь

²⁶ Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921. Вып. 6. С. 16 (курсив наш); Пушкин А. С. Письма. Т. 1. С. 269 (примеч. Б. Л. Модзалевского).

²⁷ Пушкин А. С. Письма. Т. 1. С. 269; ср. также: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 1. С. 344.

²⁸ Фомичев С. А. Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Л., 1986. С. 77.

²⁹ Пушкин А. С. Соч. Вып. 1, ч. 1. С. 258 (коммент. О. А. Проскурина, Н. Г. Охотина).

³⁰ Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 834: (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 1995. Т. 15. С. 203–205; Пушкин А. С. Соч. Вып. 1, ч. 1. С. 260 (коммент. О. А. Проскурина, Н. Г. Охотина).

на архетипическом противопоставлении женских персонажей — страстной брюнетки и кроткой блондинки,³¹ Пушкин «свел» в своей поэме обеих героинь бахчисарайских преданий — легендарную красавицу-полячку Марию Потоцкую, которую местные жители и «служивые инвалиды» упорно хотели видеть любимой женой Керим-Гирея, и «прекрасную грузинку», упомянутую Муравьевым, которую еще П.-С. Паллас отождествил с «исторической» «Диларой Пикечь»,³² названной в письме бахчисарайского полицеймейстера. Таким образом, столкновение поэтического вымысла и исторического предания, которое сопровождало творческую историю «Бахчисарайского фонтана», оказалось спроецировано в сюжетную плоскость, став фактом истории текста поэмы, — иными словами, материал трансформировался в прием.

Содержание письма Ананича бросает новый свет и на источники «поэтической версии» бахчисарайской легенды — легенды о похищенной польской княжне Марии Потоцкой.

О том, кто и когда мог «поведать» Пушкину это «печальное преданье», давно ведутся споры, однако ни одна из предложенных версий не стала общепринятой. Основываясь на расшифровке инициалов в посвящении, прочтенных П. О. Морозовым как «Н. Н. Р.», многие комментаторы предлагали на роль рассказчика Н. Н. Раевского-младшего, однако густо зачеркнутые инициалы плохо поддаются сколь бы то ни было уверенному прочтению,³³ да и не ясно, откуда Раевский мог знать эту легенду о Потоцкой. В качестве возможного рассказчика называли и Ананича,³⁴ однако, судя по его письму, он едва ли мог настаивать на этой версии.

Письмо бахчисарайского полицеймейстера заставляет с большим вниманием присмотреться к еще одной знакомой Пушкина, имя которой уже возникало в исследовательской литературе в связи с бахчисарайской легендой, — это Софья Станиславовна Потоцкая, в августе 1821 г. вышедшая замуж за генерала П. Д. Киселева.³⁵ Как следует из письма Ананича, наибольшую уверенность

³¹ Подробнее об этом см.: *Пушкин А. С.* Соч. Вып. 1, ч. 1. С. 287–288 (коммент. О. А. Проскурина, Н. Г. Охотина).

³² Там же. С. 274–277. Ср. также: *Черноусова Е., Казарин В. А.* С. Пушкин в Крыму — новые гипотезы. С. 90–91.

³³ Гипотезы и разногласия об адресате посвящения суммированы в новейшем комментарии к поэме: Там же. С. 262–263.

³⁴ См. выше, примеч. 17.

³⁵ См.: *Гроссман Л. П.* У истоков «Бахчисарайского фонтана» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 49–100; *Святелик В.* Легенда, пришедшая к Пушкину. С. 211–220; *Фадеева Т. М.*

в основательности рассказа о пленной польской княжне из их рода высказывала именно «графиня Соф. Потоцкая»,³⁶ хотя и она не располагала никакими надежными свидетельствами. Вообще, в пушкинских высказываниях и переписке вокруг издания «Бахчисарайского фонтана» имя Софьи Потоцкой-младшей возникает довольно часто. Все в том же письме от 4 ноября 1823 г. Пушкин просил Вяземского сочинить предисловие или послесловие к поэме «если не ради <него>, то ради <...> похотливой Минервы, Софьи Киселевой» (XIII, 73),³⁷ а в письме от 20 декабря предостерегал того же адресата: «Ты, кажется, собираешься сделать заочное описание Бахчисарая? брось это. Мадригалы Софье Потоцкой это дело другое» (XII, 83). Эти иронически-наставительные интонации пушкинских писем к Вяземскому выдают, как кажется, некоторую досаду сочинителя на Потоцкую — вполне объяснимую, если действительно она некогда сумела уверить будущего сочинителя поэмы в правдоподобности «печального предания» о фонтане Бахчисарая и несчастной польской княжне.

Две Софии и Пушкин: Источник вдохновения «Бахчисарайского фонтана». Симферополь, 2008. С. 7.

³⁶ Из слов смотрителя Бахчисарайского дворца не ясно, имел ли он в виду молодую графиню Потоцкую или же ее мать, тоже носившую имя София; владея землями в Крыму, обе они могли побывать в Бахчисарае за время службы Ананича. О С. К. и С. С. Потоцких подробнее см.: *Łojek J. Dzieje pięknego Wtynki. Warszawa, 1982; Святелик В. Легенда, пришедшая к Пушкину. С. 215–218; Фадеева Т. М. Две Софии и Пушкин.*

³⁷ Сведения о Потоцкой Вяземский будет запрашивать у А. И. Тургенева в письме от 18 ноября 1823 г., сразу по получении поэмы и «материала» для сопроводительных текстов, а затем в предисловии и выписке будет подчеркивать недостоверность сюжета поэмы — несомненно, в соответствии с пушкинским замыслом.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ

Выпуск 31

Сборник научных трудов

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПУШКИНСКОГО ДОМА

Санкт-Петербург

2013